

И. В. Малыгина⁶

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИСПЫТАНИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМОМ

Романтическая идея мультикультурализма стала одним из величайших разочарований современности.

⁶ Директор Института культурологии и музеведения Московского государственного университета культуры и искусств, заведующая кафедрой теории культуры, этики и эстетики, доктор философских наук, профессор. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч.: «В лабиринтах самоопределения: опыт рефлексии на тему этнокультурной идентичности», «Современные дискурсы этничности: методологический тупик или возможность примирения оппозиций?», «Национализм как форма культурной идентичности и его российская специфика», «Грани и границы этнокультурной идентичности в современном мире», «Динамика российской идентичности», «Культурная идентичность в современной России: поиск новых моделей», «От “помнящей культуры” к “культуре забвения”»: дискурсы и исторические формы репрезентации культурной памяти» и др.

Однако само понятие, как это нередко случается, укоренившись в социально-гуманитарном дискурсе, постепенно обретает новые смыслы и значения, освобождаясь от жесткой привязки к политике и практике социально-культурной адаптации мигрантских сообществ. Все чаще понятие мультикультурализма используется как смысловой эквивалент многокультурности и культурного плюрализма. В данном контексте тема мультикультурализма не утрачивает своей актуальности, поскольку вопреки прогнозам глобализации культурного пространства и культурной унификации культурное многообразие современного мира не только не уменьшается, но становится все более сложным и выразительным.

«От “помнящей культуры” к “культуре забвения”»: дискурсы и исторические формы репрезентации культурной памяти» и др.

Для России, исторически отличавшейся территориальной протяженностью, климатическим и ландшафтным разнообразием, различиями в типах хозяйствования и народных промыслов, этноконфессиональным и ментальным разнообразием, идея мультикультурализма является ментально непротиворечивой. Более того, в ситуации современных социально-политических трансформаций она становится объяснительным принципом динамики культурных оснований российской идентичности.

Специфика вхождения России в глобальное пространство, сложности этнокультурного самоопределения составляющих ее народов, мировоззренческий вакуум, в котором страна оказалась в последние десятилетия, а также отсутствие общенационального проекта, способного консолидировать российский социум как политическую и культурную общность, заставили говорить о *кризисе* российской идентичности.

Кризис этнокультурной идентичности с полным основанием можно рассматривать как общемировой тренд современности, однако в России он обрел специфические черты и особую остроту, что обусловлено своеобразием культурно-исторического и социально-политического развития страны. Формирование общенациональной российской культуры, а соответственно и национальной формы идентичности в России произошло достаточно поздно, не ранее конца XVIII — середины XIX века. Вплоть до конца имперского периода она не имела сколько-нибудь важного значения для населения по сравнению с иными основаниями и формами социально-групповой солидарности, такими как кровно-родственная, локальная (волостная), конфессиональная, сословная и др.¹

Советский период отечественной истории также не способствовал формированию собственно российской национальной идентичности, поскольку у народов, населяющих Россию (в том числе русского), на протяжении десятилетий доминировало осознание принадлежности к многонациональной общности «советский народ», в то время как самоидентификат «россиянин» был практически не востребован. Это обстоятельство вносит особый драматизм в российский сценарий кризиса идентичности, проявившегося на фоне не просто ослабления авторитета национального государства, а разрушения и поражения такой супердержавы, каким был Советский Союз, и последовавшего за этим «парада суверенитетов», причем не только бывших советских республик, но и народов, населяющих Россию.

Формирование идентичности новой России было адекватным социальным и экономическим вызовам постсоветской эпохи: расслоение общества по экономическому признаку, формирование на рухлом этнокультурном фоне «культуры бедных» и «культуры богатых», поколенческий разрыв, проявившийся в заметной деформации традиционной системы ценностей, — все эти процессы с неизбежностью стимулировали процессы дифференциации общества и фрагментации идентичности россиян.

¹ См.: Шитлов А. В. О времени и факторах становления национальной идентичности в России // Русская словесность в поисках национальной идеи: материалы Междунар. науч. симпози. Волгоград, 2007. С. 167–170.

К перечисленным обстоятельствам осталось добавить распад ценностно-смыслового ядра отечественной культуры, обусловленный тем, что в течение XX века в России трижды происходила радикальная смена оснований социальной солидарности и единства: от системы ценностей, основанной на идеалах православия, к идеалам и ценностям коммунистической идеологии и затем — к эфемерным принципам свободы и демократии. В условиях отсутствия национальной идеи, концепции цивилизационного и социально-экономического развития государства, но при наличии гласности и свободы слова эти новые для России идеалы, предложенные властью реформаторов, обрели формы культурного плюрализма и нравственного релятивизма, указывающие на глубокий мировоззренческий кризис в обществе, на отсутствие единого культурно-символического кода, а соответственно и на отсутствие культурных оснований социальной консолидации и идентичности. Таким образом, мультикультурность и культурный плюрализм, который по оценкам некоторых экспертов является стимулом для развития либеральной государственности и толерантности в странах Европы, в России стали дополнительными факторами реакции распада в обществе², а соответственно и кризиса идентичности, под которым следует понимать ее сложные структурные трансформации. Суть этих трансформаций — в изменении доминирующих оснований в структуре этнокультурной идентичности, результатом которого становится усложнение ее контуров и расширение границ.

Стремление к обретению новой этнокультурной идентичности оформилось в российском обществе в две определяющие данный процесс тенденции, по существу совпадающие с общемировыми процессами: с одной стороны, в сторону расширения ее границ и формирования нового транснационального (цивилизационного) уровня в ее структуре; а с другой — в сторону локализации границ и актуализации локальных, партикулярных оснований идентичности. На российской «почве» эти тенденции развиваются, по существу, в русле традиционного для отечественной культуры и самосознания противоречия между желанием утвердиться как органичной части западной (точнее, западноевропейской) цивилизации, с одной стороны, и стремлением обосновать преимущество и самобытность российского пути и российской культуры — с другой.

Анализируя первую тенденцию, важно учитывать, что опыт вхождения России в глобальное пространство уникален, отличен от большинства западных стран. Для нашей страны этот процесс не был поступательным и органичным: после окончания холодной войны и падения железного занавеса Россия, переставшая быть мощным единым государством, в новом государственном статусе оказалась «вброшенной» в глобализирующееся мировое пространство, где ей только еще предстоит осознать свой новый статус, сформировать новый образ и обрести новую цивилизационную и геополитическую идентичность.

² См.: Ахиезер А. Насколько мы разные? // Неприкосновенный запас. 2002. № 6 (26). С. 68–73.

Сложности цивилизационного самоопределения России стимулировали актуализацию партикулярных оснований идентичности. Как свидетельствуют процессы, разворачивающиеся во всем мире, глобализация культурного пространства сопровождается «этническим ренессансом» и актуализацией этнических идентичностей. В России эта тенденция также обрела специфические черты. С одной стороны, это гипертрофированная центростремительность процессов денационализации и этнизации российских народов, которая проявилась в заметной активизации этнического самосознания и резком увеличении числа этнических общностей, зафиксированном в ходе последних переписей населения. С другой стороны, время показало, что подобный всплеск этнического самосознания не принес желаемого результата, поскольку был обусловлен не столько возвратом к базовым культурным ценностям этнических сообществ, сколько желанием народов как можно скорее установить границы, отгородиться друг от друга. Это связано с тем, что данные процессы были в значительной степени инициированы этнонациональными элитами, что позволяет говорить о чрезмерной идеологичности российской версии «этнического ренессанса».

Сложности этнического самоопределения стимулировали общество к поиску новых идентификационных и консолидирующих оснований. В последнее десятилетие довольно отчетливо обозначились новые актуальные формы культурной идентичности — региональные, локальные, местные, — формируемые в контексте ценностно-символического пространства культурной среды региона, территориального (локального) образования. Культура локальных сообществ содержит в себе мощный идентификационный ресурс, сущность которого заключается в обеспечении индивида базовыми, фундаментальными культурными ориентирами, заложенными в социальном опыте его народа и основанными на местной традиции; в реализации важнейшей потребности человека в укорененности и принадлежности к традиции через сознание и сакральное переживание единства с некой значимой для него общностью («и я этой силы частица»); в обеспечении индивидов самобытными образами идентичности, этнически окрашенными способами манифестации уникальности и самобытности культуры, от имени которой он выступает, что в условиях глобализации и стандартизации культуры равнозначно заявлению «я — есть!»